

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.28>

Криволицкая Маргарита Аюшеевна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОСТОЯНИЯ СТРАХА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА "СТРАНСТВИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ")

В статье рассматривается проблема репрезентации эмоционального состояния страха в творчестве Л. Петрушевской. В фокусе внимания - вербализация эмоционального состояния персонажей на лексическом и синтаксическом уровнях текстового пространства. Отмечается, что на лексическом уровне языка страх фиксируется посредством отображения в семантике слов, которые используются для обозначения эмоционального состояния. Нелогичность высказываний, парцелляция, учащение темпа и сумбурность представлены на синтаксическом уровне языка. В качестве основных стилистических приемов используются повторы и градация.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 1. С. 134-138. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Эксмо, 2003. 320 с.
2. Волков А. А. Неориторика Брюссельской школы // Неориторика: генезис, проблемы, перспективы. М.: Владос, 1987. С. 46-68.
3. Гранёва И. Ю. Местоимение «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 494-496.
4. Гришем Дж. Пора убивать. М.: АСТ, 2003. 573 с.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо; МГУ, 1996. 344 с.
6. Ермаков Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 208 с.
7. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 264 с.
8. Каплуненко А. М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2007. № 5. С. 3-12.
9. Ли Е. В. Диалектическое взаимодействие универсальных и этнокультурных стратегий аргументации в политическом дискурсе: дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2011. 209 с.
10. Михалёва О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 252 с.
11. Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов / под ред. Б. Ю. Городецкого. С. 195-283.
12. Allport G. W. Attitudes // Handbook of social psychology. Worchester: Clark University Press, 1988. P. 798-844.
13. Grisham J. A Time to Kill. N. Y.: Random House; Dell, 2009. 544 p.

**DIALECTICAL INTERACTION OF ARGUMENTATION AND MANIPULATION
IN JUDICIAL DISCURSIVE PRACTICES**

Krapivkina Ol'ga Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Irkutsk National Research Technical University
koa1504@mail.ru

The article deals with the dialectical interaction of argumentation and manipulation in judicial discursive practices. It is noted that manipulation as a method of speech impact on the irrational sphere of consciousness violates logical laws, however, helps to achieve the perlocutionary speech effect faster than logically built-up argumentation, if the addressees are the bearers of naive consciousness. The correlation of argumentation and manipulation in judicial discourse is determined by the intentional state of the speaker, the addressee's factor and the mode of communication.

Key words and phrases: argumentation; manipulation; dialectics; discursive practices; trial; speech impact.

УДК 81.42

Дата поступления рукописи: 11.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.28>

В статье рассматривается проблема репрезентации эмоционального состояния страха в творчестве Л. Петрушевской. В фокусе внимания – вербализация эмоционального состояния персонажей на лексическом и синтаксическом уровнях текстового пространства. Отмечается, что на лексическом уровне языка страх фиксируется посредством отображения в семантике слов, которые используются для обозначения эмоционального состояния. Нелогичность высказываний, парцелляция, учащение темпа и сумбурность представлены на синтаксическом уровне языка. В качестве основных стилистических приемов используются повторы и градация.

Ключевые слова и фразы: эмоциональное состояние; страх; языковые средства; репрезентация; предикат; субъект; каузация.

Криволицкая Маргарита Аюшеевна
Томский государственный университет
felicita47@yandex.ru

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОСТОЯНИЯ СТРАХА В ТВОРЧЕСТВЕ
Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «СТРАНСТВИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ»)**

В русской лингвистической традиции вопрос эмоционального состояния рассматривается в рамках исследования состояния как универсальной категории. Феномен состояния привлекает внимание исследователей разных направлений лингвистики. Исследователи Л. В. Щерба, Ю. Д. Апресян, Л. М. Васильев, А. Вежбицкая и др. создали классификацию лексических средств выражения состояния, применяя денотативно-понятийный подход. В грамматическом ключе ученые Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко исследовали семантику состояния в связи с категориями вида и залога. Выражение состояния в предложениях различных семантических моделей рассматривалось в работах Н. Д. Арутюновой, В. Г. Адмони, Н. Ю. Шведовой, С. Н. Цейтлин и др. Признаки предикатов состояния (длительность, статичность, ориентированность на субъект, инактивность субъекта и др.) подробно изучены в коллективной монографии «Семантические типы предикатов» под редакцией О. Н. Селиверстовой [12].

В широком понимании состояние определяется как некое событие, которое «портретирует» действительность, описывает «эпизод» из жизни субъекта из репертуара естественных для него в разной степени состояний [15, с. 16]. Состояние характеризуется как особый семантический феномен, в рамках которого рассматриваются различные онтологические типы состояния: психологические и физиологические состояния человека, состояние природы и окружающего мира, состояние предмета и др. Каждый вид состояния имеет свою природу и специфику. В центре внимания нашего исследования находится эмоциональное состояние субъекта и языковые средства выражения в художественном тексте.

В отечественной лингвистике вопрос вербализации эмоций в языке нашел отражение в трудах Л. Г. Бабенко, А. Зализняк, Е. М. Вольф, Г. И. Кустовой и др. В монографии «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» [1] Л. Г. Бабенко описывает лексико-семантические разряды и функции эмоций в тексте. Ключевым «носителем» эмоции является эмотивная лексика, поскольку «именно эмотивная лексика является доминирующим средством отображения эмоций в языке» [Там же, с. 133].

В рамках семантического синтаксиса рассматривается предикативный компонент со значением состояния в моделях, выраженных разными частями речи, но в большинстве своем глаголами, содержащими сему состояния. Научный подход С. Н. Цейтлин обусловлен тем, что «современный русский синтаксис располагает широкими возможностями для передачи психического состояния субъекта» [14, с. 161].

Фреймовые ситуации эмоционального состояния состоят из трёх компонентов: субъект эмоции, само эмоциональное состояние, причина (каузатор) [2; 5]. К общим свойствам предиката эмоционального состояния относятся ограниченная протяженность во времени и инактивность субъекта. К частным свойствам Е. М. Вольф относят специфичность, оценочность и способность к интенсификации [2].

По определению А. А. Зализняк, субъект состояния – это одушевленный инактивный участник ситуации, «испытывающий» нечто [3]. Субъект состояния обладает двумя свойствами – целостностью и инактивностью. В высказывании субъект представлен как некая целостность: вне зависимости от того, какая часть тела испытывает дискомфорт, человек весь подвержен тем или иным ощущениям. Инактивность субъекта, тесно связывающая его с предикатом состояния, указывает на невозможность субъекта повлиять или контролировать свое состояние.

Особое внимание Е. М. Вольф уделяет причине эмоционального состояния. Отметим, что в трудах о семантике состояния лингвисты не относят причину к базовым компонентам структуры. Необходимость этого элемента, на наш взгляд, обусловлена природой эмоционального состояния – оно является ответной реакцией на внутренний/внешний раздражитель. Причина выражается несколькими способами: может быть представлена актантом-виновником, при каузативных предикатах причину или виновника обозначает синтаксический субъект, возможны и такие причины, когда каузатор эмоционального состояния не совпадает с причиной и др. [2].

Эмоциональное состояние страха обладает признаками универсальной категории состояния, поэтому представляет собой ситуацию, основными компонентами которой являются: субъект состояния, само состояние и каузация.

В психологии страх считается одной из универсальных и базовых эмоций человека. Исследователь Н. Д. Левитов определяет страх как эмоцию, вызываемую предметами и ситуациями, которые содержат в себе риск и опасность [6, с. 127]. Возникновению страха способствуют разные причины: неизвестность, осознание личностью своей слабости, угрожающие жизни ситуации, внутренние переживания и т.д.

На фоне других базовых эмоций страх выделяется экспрессивностью и сложностью (включает в себя другие состояния, например, гнев). Подтверждением являются высказывания известных психологов, философов, писателей. По мнению М. Е. Литвака, страх – это самая сильная и опасная эмоция [7, с. 23]. Мишель Монтень описывает страх как «страсть воистину поразительную, и врачи говорят, что нет другой, которая выбивала бы наш рассудок из положенной ему колеи в большей мере, чем эта» [9]. Несмотря на негативное влияние на состояние личности, страх имеет и положительные стороны – он вызывает инстинкт самосохранения и выживания, благодаря чему человек начинает корректировать свое поведение и выстраивать план действий во избежание опасных ситуаций.

Исследование эмоционального состояния на материале художественного текста является одним из самых продуктивных и перспективных способов анализа языковых средств, репрезентирующих переживания персонажей. Художественный текст способен изобразить эмоции героев в полном объеме, показать их внутренний мир и сложность человеческой натуры [1; 6].

Актуальность работы обусловлена недостаточной разработанностью проблематики репрезентации эмоционального состояния страха в лингвистике на материале художественного текста и особой значимостью эмоционального состояния «страха» в творчестве Л. Петрушевской. Новизна исследования состоит в том, что анализ языковых средств, репрезентирующих эмоциональное состояние страха в творчестве Л. Петрушевской, проводится впервые.

Целью предлагаемого исследования является рассмотрение особенностей языкового выражения эмоционального состояния страха в семантическом пространстве рассказов Л. Петрушевской. Наибольшее внимание в работе уделяется предикату состояния, поскольку он определяет количество и роль участников, их взаимодействие. Также анализируются способы выражения основных компонентов – субъекта состояния, причины и локатива.

Исследование проводится на материале сборника Л. Петрушевской «Странствия по поводу смерти» [10]. Произведения писательницы привлекают внимание как литературоведов, так и лингвистов особой манерой повествования, экспрессивностью языка и образом «серединого человека». В творчестве Л. С. Петрушевской в большой степени описываются жизненные ситуации, в которых главные герои живут в постоянном страхе и ведут ожесточенную борьбу за выживание. «Люди борются за “свой” круг жизни, за крышу над головой, страх потерять последнее делает персонажей Петрушевской безрассудно бесстрашными, готовыми к любым опасностям для своего существования» [11, с. 139].

На первый взгляд, перед читателем предстают сухие зарисовки обыденной жизни героев, но если рассмотреть внимательно, то можно увидеть их внутренний мир, их чувства и эмоции – отчаяние, страх и страдания, переживаемые ими изо дня в день. Наиболее часто описываемое и ярко выраженное эмоциональное состояние в названных произведениях – страх: *А когда они заметили, что Лена панически этого боится, то мальчишки как с цепи сорвались – чуть ли не пытались вырвать у нее каждый по волосинке* («Строгая бабушка», далее – «СБ») [10, с. 112]; *Она тряслась от ужаса* («Конфеты с ликером», далее – «КЛ») [Там же, с. 159]. Всего в сборнике выделено 208 высказываний, обозначающих эксплицитно и имплицитно отрицательные (186) и положительные (22) эмоциональные состояния, из них 63 высказывания маркируют состояние страха.

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой *страх* определяется как «состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, едой и т.п.» [13, т. 4, с. 283]. Лексический уровень языка располагает большим количеством слов, вербализующих эмоциональное состояние страха. В отобранном материале оно выражено следующими лексемами с семой «страх»: *робость* – боязливость, неуверенность в себе [Там же, т. 3, с. 720]; *испуг* – внезапное чувство страха [Там же, т. 1, с. 685]; *боязнь* – чувство страха, опасения [Там же, с. 110-111]; *ужас* – чувство, состояние очень сильного испуга, страха [Там же, т. 4, с. 472-473]. Общим признаком является ощущение неизвестного, чувство непреходящей опасности или ее ожидание. Среди характеристик чувства страха следует отметить интенсивность и промежуток времени, который он охватывает. Интенсивность указывается семой *сильный*, которая встречается в нескольких определениях: *страх* – состояние сильной тревоги, *ужас* – сильный страх. Данная сема репрезентирует степень эмоционального состояния субъекта.

В анализируемых высказываниях предикат эмоционального состояния страха представлен:

1. Предикативным способом: в основном личными глаголами *испугаться* (9), *бояться* (14): *Я испугалась, волокла чемодан сзади себя* («Странствия по поводу смерти», далее – «СПС») [10, с. 63]; *Она боялась, что Миша, если до него дойдет, что ее взяли заложницей, немедленно явится, и его не убьют* («Как Пенелопа», далее – «КП») [Там же, с. 213].

2. Непредикативным способом: а) безлично-предикативными словами: *Как-то боязно было надевать такую роскошь* («СПС») [Там же, с. 36]; б) предложно-падежной формой имени существительного «в + предл. п.» – *Леля в ужасе выбежала из квартиры на лестничную площадку* («КЛ») [Там же, с. 182].

3. Полупредикативным способом: деепричастными оборотами: *И девочка потом целый день все ходила под этим впечатлением, боясь бабушки* («Строгая бабушка», далее – «СБ») [Там же, с. 213]; *Отец прибыл на дачу прямо из своего госпиталя, видимо, в мрачном расположении духа, боясь увидеть какого-нибудь соперника помоложе, и нашел в избушке чудище костлявое, лысое и вдобавок, как огородное пугало, одетое в большую рубаху* («СПС») [Там же, с. 95]; *Она, помирая от робости, ночью расклеила объявления о гуляльной группе, что «Педагог с медицинским образованием набирает детей, прогулка и обед, с десяти до пяти ежедневно»* («СПС») [Там же, с. 151].

Субъект состояния выражен разными лексическими средствами, среди них ведущее место занимают имена собственные (часто модифицированные автором – *Леля, Крошка*) и личные местоимения (*Видно было, что он именно этого и боится...* («КЛ») [Там же, с. 150]). Отношение повествователя к субъекту состояния обозначено несколькими способами:

1) через номинацию персонажа – уменьшительно-ласкательными именами (*Верочка*);
2) через номинацию человека по внешнему признаку: *Крошка (Крошка осторожно прошла к дверям)* («Крошка и Бумажка в дикие времена») [Там же, с. 309];

3) с помощью неологизмов: *Шуша, Мырка, Валяшка (Валяшка просто сошла с ума, когда родилась младшая сестра, причем папа все как герой вытерпел, не ушел, а кому было идти)* («СПС») [Там же, с. 17-18].

Эмоциональное состояние провоцируется внешней угрозой или психологическим давлением, вызывающими страх и потерю контроля над эмоциями. Каузация обозначается одушевленными и неодушевленными существительными (*Соседка дико боялась этого новоприбывшего семейства, ее собственную свежую торговку стукнул головой о стену, когда та стала кричать, что навели тут сброд, в квартире грязь, шум, как базар* («КЛ») [Там же, с. 187]) или местоимениями (*Леля боялась его смертельно – вот в чем было дело* («КЛ») [Там же, с. 168]):

1) через номинацию человека по социальному положению или отношению: *бандиты, соседи* и др. (*Боялась, что они бандиты* («СПС») [Там же, с. 65]);

2) посредством изображения события, повлиявшего на состояние субъекта (*Леля быстро, пока дело не дошло до рукоприкладства, собрала картошку с пола и пробралась на кухню, почистила и поджарила полную сковороду с луком и парочкой морковок* («КЛ») [Там же, с. 177]).

Второстепенную, но немаловажную роль в формировании эмоционального состояния играет локатив. В исследуемом материале локативы представлены словами (существительными и указательными местоимениями) с семантикой «собственное место» (*Леля таилась на лестнице, выше своей двери на пол-этажа* («КЛ») [Там же, с. 183]; *Там – о ужас – никого не было* («КЛ») [Там же, с. 186]) и словами с семантикой «путь движения» (*Осторожно, с замирающим сердцем, вела она детей по страшному, может быть, последнему их пути* («КЛ») [Там же, с. 185]).

Эмоциональность и выразительность в высказываниях достигается за счет средств экспрессивного синтаксиса. С помощью парцелляции автор акцентирует внимание на важном: *И тут я услышала опять звук мотоцикла и побежала. Испугалась* («СПС») [Там же, с. 64] – в данном случае описывается состояние страха субъекта. В ряде случаев посредством парцелляции эмоциональное состояние страха возрастает (градация)

и описывается как возможное (по мнению субъекта) застающее врасплох событие: *А потом подумала: и там он их настигнет. Как-нибудь ночью. Еще страшнее* («КЛ») [Там же, с. 185].

Нарушения синтаксической нормы, связанные с персонализацией косвенной речи, усиливают эмоциональный накал: *Никита однажды устроил дикий скандал, в финале которого крикнул, что уходит и деньги увидишь от меня хрен! Сам буду платить за квартиру и телефон, и всё!* («КЛ») [Там же, с. 149]. Также необходимо отметить средства, используемые автором для создания ситуации страха:

1) риторические вопросы («*Ему я что, понравилась?*» – *подумала Вера. Стало жутко* («СПС»)) [Там же, с. 54];

2) восклицания (*Ужас!* («СБ»)) [Там же, с. 97];

3) вставные конструкции и обращения (*Может быть, она опасалась нападения (Достоевский, а) и считала молоток и топор орудиями пытки с целью выудить у нее семейные реликвии* («СПС»)) [Там же, с. 82];

4) употребление сочинительных союзов в начале предложения (*И вот загремели в дальних дверях ключи, Вера мигом вскочила и вскарабкалась наверх и там застыла* («СПС»)) [Там же, с. 75].

Страх и близкие к нему состояния в анализируемом сборнике тесно связаны со смертью или ее предчувствием: *Но спустя минут пятнадцать, когда Леля уже хотела подняться к Тамилле, в двери загремел ключ. Как какой-то похоронный колокол забился в ушах Лели. Идёт! Идёт убийца!* («КЛ») [Там же, с. 188]. Атмосфера ужаса и смерти создается посредством языкового моделирования ситуации слухового восприятия, организующей данный текстовый фрагмент [7, с. 49]. Звуки изображаемой автором внешней среды (загремел ключ) оказывают воздействие на персонажа и определяют его эмоциональное состояние, которое репрезентируется перцептивной метафорой (*похоронный колокол забился*). Используется стилистический прием градации: *в двери загремел ключ* – ощущение того, что враг приближается; как какой-то похоронный колокол забился в ушах Лели – состояние неконтролируемой паники; *Идёт! Идёт убийца!* – состояние агонии и чувство неизбежности смерти.

Иллюстративными являются высказывания, в которых эмоциональное состояние описывается посредством психосоматических изменений: *Девушка проходила мимо сильно помятой железной двери нижней квартиры всегда с бьющимся сердцем* («КП») [10, с. 202]; *Первый раз в жизни Вера видела такое, она вся тряслась, куртка на боку была содрана вместе с куском свитера, под майку, на разбитый бок, задувал сильный ветер, падал снег. Тошило, голова кружилась, конечности дрожали* («СПС») [Там же, с. 30]. Автор акцентирует свое внимание на потерю контроля над эмоциями в экстренных ситуациях. Излюбленный прием Л. С. Петрушевской – градация – вновь точно передает стрессовое состояние героев: *тошило, кружилась, дрожали*.

Стандартные интенсификаторы – *очень, слишком, сильно* – уступают в степени интенсивности выражения более яркими *дико, смертельно, страшно*, которые красочно и точно передают крайнюю степень эмоционального состояния персонажей: *Леля боялась его смертельно – вот в чем было дело; Видно было, что Никита боится знакомить Лелю с матерью и сестрой – кто она такая, деревенщина, – и в то же время он всегда дико ее ревновал, вплоть до того, что не хотел оставлять Лелю одну* («КЛ») [Там же, с. 168].

А. Ю. Мережинская определяет персонажа Л. Петрушевской как человека надломленного и загнанного в угол. «Это не человек “разумный и мыслящий” и не творящий жизнь по своему проекту, не чувствующий Бога в душе, не определивший свою экзистенцию... Все, что оправдывает человеческое существование и придает смысл страданиям – все это находится вне рамок понимания бессмысленно, мученически и униженно живущего человека: для него пусты небеса и пустой оказывается душа» [8, с. 59]. С этой точкой зрения нельзя согласиться полностью. Мир писательницы жесток и трагичен, но герои – это, в первую очередь, носители состояния страдания и ужаса, пытающиеся сохранить жизни близких и вместе с тем сохранить в себе человека.

В художественной картине мира Л. Петрушевской образ страха является одним из ключевых, он связан не только с мучительным эмоциональным состоянием героев, но и является отправной точкой для развития новых, в том числе и «положительных» состояний, например, провоцирует ситуации самозащиты и заботы о близких. Автор описывает переживание страха, его признаки и поведение персонажей в ситуации опасности с помощью художественных приемов повтора и градации, тщательно подобранной лексики с семантикой страха, ужаса и смерти. Состояние страха вербализовано в рассказах Л. Петрушевской в комплексе с другими средствами выражения негативных эмоций – *стыд (помирая от робости), враждебность (стукнул головой о стену), отвращение (кричала страшная тетица (тетица – каузатор)) и отчаяние (жутко завизжала)*.

Репрезентация эмоционального состояния субъекта – сложное явление в языке, обладающее комплексом семантических признаков, требующее для отражения в языке как необходимую словоформу, так и определенную синтаксическую структуру высказывания. Очевидно многообразие способов выражения эмоционального состояния, оно может быть выражено практически на всех уровнях языка – начиная от словоформы и заканчивая целым текстом, эксплицитно и имплицитно, включая художественные приемы языка.

Список источников

1. **Бабенко Л. Г.** Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 182 с.
2. **Вольф Е. М.** Эмоциональные состояния и их представления в языке // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 55-76.
3. **Зализняк А. А.** Investigations in the semantics of inner state predicates. München: Verlag Otto Sagner, 1992. 202 с.
4. **Корычанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А.** Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Brno: Masarykova univerzita, 2016. 236 с.
5. **Кустова Г. И.** Типы производных значений и механизмы языкового расширения: монография. М.: Флинта, 2016. 468 с.
6. **Левитов Н. Д.** О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 343 с.

7. Литвак М. Е. Психологическая диета. Ростов-на-Дону: Психологическое айкидо, 1993. 60 с.
8. Мережинская А. Ю. Русский литературный постмодернизм: художественная специфика, динамика развития: актуальные проблемы изучения: учеб. пособие. К.: Логос, 2004. 234 с.
9. Монтень М. О страхе [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/MONTEN/fear.txt> (дата обращения: 15.01.2018).
10. Петрушевская Л. С. Странствия по поводу смерти. М.: Э, 2017. 320 с.
11. Рыбальченко Т. Л. Русская реалистическая проза 1950-1960-х годов о культуре страха // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог: сб. статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. Вып. 3. С. 116-148.
12. Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. 368 с.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 4-е, стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 698 с.; Т. 2. 736 с.; Т. 3. 752 с.; Т. 4. 800 с.
14. Цейтлин С. Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика: сб. статей / Академия наук СССР, Институт русского языка. М.: Наука, 1976. С. 161-181.
15. Шмельёва Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1994. 47 с.

**LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE STATE OF FEAR IN L. PETRUSHEVSKAYA'S WORKS
(BY THE MATERIAL OF THE COLLECTION "WANDERINGS REGARDING DEATH")**

Krivolutskaya Margarita Ayusheevna
Tomsk State University
felicita47@yandex.ru

The article considers the problem of the representation of the emotional state of fear in L. Petrushevskaya's works. The author focuses on the verbalization of the characters' emotional state at the lexical and syntactic levels of the text space. It is noted that at the lexical level of the language, fear is stated through the representation in the semantics of the words that are used to denote an emotional state. The illogicality of statements, parcelling, increased tempo, and confusion are present at the syntactic level of the language. Repetitions and gradation are used as the main stylistic techniques.

Key words and phrases: emotional state; fear; linguistic means; representation; predicate; subject; causation.

УДК 80

Дата поступления рукописи: 02.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.29>

В данной статье рассматриваются коммуникативные характеристики сакрального и профанного текстов. Автор статьи акцентирует внимание на составляющих коммуникативного акта, в котором участвуют сакральный и профанный тексты. Затрагивается вопрос автора и реципиента в обоих типах текста, причины профанации сакрального текста. В статье предпринимается попытка выделить еще одну категорию коммуникации – наличие контекста или сочетание текста и контекста в сакральном и профанном текстах. Кроме этого, в статье изучаются некоторые аспекты проблемы соответствия читательского понимания авторскому замыслу.

Ключевые слова и фразы: сакральный текст; профанный текст; автор; адаптатор; реципиент; передача информации; упрощение языковых средств; контекст.

Кульченко Юлия Викторовна

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
kulchenkoj@yandex.ru

**ПРОФАНАЦИЯ САКРАЛЬНОГО КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА**

Сегодня в библейской филологии и текстологии одним из актуальных вопросов остается изучение содержания сакральных (библейских) текстов, контекста их создания, а также исследование языковых средств сакральных текстов. В поле зрения ученых-филологов остаются актуальные вопросы употребления сакрального компонента в профанном и художественном текстах. А выявление причин профанации сакрального текста, вследствие которой появляется новый тип текста (профанный), является важной задачей библейской филологии.

Актуальность поставленной проблемы определяется назревшей необходимостью теоретического осмысления и практического изучения коммуникативных аспектов сакрального и профанного текстов с целью определения условий и причин профанации сакрального текста, выявления особенностей его перевода и употребления как вторичного.

Для реализации поставленной цели выдвигаются такие задачи, как: определение участников коммуникативного процесса, изучение контекста употребления сакрального текста, рассмотрение проблемы восприятия изучаемых типов текста реципиентами. Это поможет нам четко определить причину процесса профанации сакрального (библейского) текста.

Научная новизна исследуемой темы состоит в том, что впервые предлагаются выявление и описание причин профанации языковых средств сакрального текста, а также исследование особенностей коммуникативного акта в указанных типах текста.